

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МОРСКОГО ФЛОТА

ЦНИИМФ

ТРУДЫ

МОРСКОЕ ПРАВО

ВЫПУСК

263

ТРАНСПОРТ 1981

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МОРСКОГО ФЛОТА

ТРУДЫ
МОРСКОЕ ПРАВО

ВЫПУСК 263

Год издания двадцать седьмой

ЛЕНИНГРАД «ТРАНСПОРТ» 1981
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ответственный редактор *Ю И Панин*

Редакционная коллегия: канд юрид. наук *В. М Анашкин*, канд юрид наук
Л. М Егоров, канд юрид. наук *А И. Кирпичников*, *Г. А Костылев*,
И. О. Леонидов, *В. А Межуева* (отв. секретарь), канд. юрид. наук *В И Нефедов*
(научный редактор), канд. экон. наук *А. А. Пантин* (зам. ответственного
редактора)

Выпущено по заказу ЦНИИМФ

Труды ЦНИИ морского флота, вып 263

Морское право

Редактор *В А Межуева*

Редактор изд-ва *Н. П. Кузнецова*

Техн. редактор *Л. И. Тимофеева*

Корректоры: *Н. С. Софронова*, *М. С. Фельдман*

Сдано в набор 30.09.80. Подписано к печати 23.12.80. М-28668. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
тип. № 3. Гарн. литературная. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 1767 экз.
Зак. 368. Цена 1 р. 30 к. Заказное. Изд. № 3-4-1/16-3545-262

Ленинградское отделение издательства «Транспорт»
190121, Ленинград, ул. Декабристов, 33

Ленинградская типография № 8 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского
объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
190000, г. Ленинград, Прачечный переулок, 6.

М 31806-262 262-81
049(01)-81

© Центральный ордена Трудового Красного Знамени
научно-исследовательский институт морского флота,
1981

В. М. Анашкин, канд. юрид. наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯДЕРНОЙ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ МОРСКИХ ПРОСТРАНСТВ И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В современном международном праве процесс формирования норм, направленных на предотвращение радиоактивного загрязнения одного из важнейших компонентов окружающей среды — морской среды — идет по двум основным направлениям. Во-первых, осуществляется международно-правовая регламентация мирной деятельности, которая содержит в себе потенциальную опасность загрязнения моря радиоактивными веществами. В этой связи можно указать на такие многосторонние международно-правовые акты как Лондонская конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., Лондонская конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г., Женевская конвенция об открытом море 1958 г. (ст. 25), Лондонская конвенция по охране человеческой жизни на море 1960/1974 гг. (гл. VIII «Ядерные суда» и Приложение к Заключительному акту Лондонской конференции — «Рекомендации, применяемые к ядерным судам») и др.

Во-вторых, проводится международно-правовая регламентация военной деятельности, связанной с применением ядерных материалов. Среди важнейших актов универсального характера, запрещающих или ограничивающих такую деятельность, следует в первую очередь назвать Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г.¹

В преамбуле Московского договора подчеркивается необходимость положить конец загрязнению окружающей среды радиоактивными веществами. Как отмечает профессор Б. Коммонер, договор о частичном запрещении ядерных испытаний следует считать первой победой в борьбе с безрассудными актами современной техники на окружающую среду и ее обитателей².

В силу Московского договора морские пространства не могут быть местом испытания ядерного оружия, что вытекает из

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, № 42 (1181) от 24 октября 1963 г.

² Коммонер В. Замыкающийся круг. Л., Гидрометеонздат, 1974, с. 39.

положений ст. I, налагающей запрет на ядерные взрывы под водой, включая территориальные воды и открытое море. Важное значение для охраны морской среды имеет и предусмотренное этим договором запрещение испытаний ядерного оружия в атмосфере.

Следует, однако, отметить, что ядерные испытания, проводимые некоторыми странами, не присоединившимися к Московскому договору, продолжают наносить огромный ущерб окружающей среде. Поэтому до настоящего времени стоит проблема достижения подлинной универсальности Московского договора 1963 г. Кроме того, полное исключение радиоактивного загрязнения окружающей среды в результате испытаний ядерного оружия возможно лишь при запрещении и подземных ядерных испытаний, которые до сих пор проводятся некоторыми странами, обладающими ядерным оружием.

Как известно, Московский договор 1963 г. содержит положение о стремлении сторон к полному прекращению ядерных испытаний в любой среде. В преамбуле Договора содержится призыв «достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия» и указывается на необходимость продолжения переговоров с этой целью. В ст. I Договора прямо указано, что соответствующие положения не должны наносить ущерба заключению договора, ведущего к запрещению навечно всех испытательных взрывов, включая все такие взрывы под землей.

Важным шагом на пути полного прекращения подземных ядерных испытаний является заключение Договора между СССР и США об ограничении подземных испытаний ядерного оружия от 3 июля 1974 г.¹ Особо отмечено, что стороны обязуются продолжать переговоры в целях достижения решения проблемы прекращения всех подземных испытаний ядерного оружия.

Дальнейшее развитие этот вопрос получил на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в повестку дня которой по инициативе Советского Союза в качестве важного и срочного был включен вопрос «О заключении Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия». В соответствии с проектом Договора, который был представлен Советским Союзом, его участники принимают на себя обязательство не производить, запретить и предотвращать любые испытательные взрывы ядерного оружия во всех средах, в том числе и под землей. С принятием такого договора был бы сделан важный шаг к полному исключению радиоактивного загрязнения окружающей среды вследствие испытаний ядерного оружия.

Для формирования принципа охраны окружающей, в том числе морской среды, от радиоактивного загрязнения значительную роль сыграл ряд международно-правовых актов.

¹ Известия, 1974, 5 июля. В силу ст. III Договора его положения не распространяются на подземные ядерные взрывы, осуществляемые в мирных целях.

Так, благодаря положениям Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.,¹ исключается сама возможность проведения испытаний и применения ядерного оружия многими государствами, не имеющими доступа к нему, что имеет важное значение для охраны окружающей среды от радиоактивного загрязнения.

Договором об Антарктике 1959 г.² предусматривается, что Антарктика и прилегающий к ней район южнее 60-й параллели южной широты, включая все шельфовые ледники, исключается из сферы любой военной деятельности государств. Согласно ст. I Договора Антарктика должна использоваться исключительно в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытание любых видов оружия. В ст. V особо подчеркивается, что запрещаются любые ядерные взрывы и удаление в этом районе радиоактивных материалов³.

Важное место среди международно-правовых мер, направленных на предотвращение использования ядерного оружия, принадлежит созданию в ряде районов мира безъядерных зон. Как известно, Резолюцией 1952 (XVI), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1961 г., безъядерной зоной был объявлен африканский континент. В указанной резолюции содержится призыв ко всем государствам:

а) воздерживаться от проведения или продолжения испытаний ядерного оружия в Африке в любой форме;

б) отказаться от использования территориальных вод и воздушного пространства Африки для испытания, хранения или перевозки ядерного оружия;

в) рассматривать и признавать африканский континент как безъядерную, нейтральную зону.

В 1967 г. 14 латиноамериканских государств подписали Договор о создании безъядерной зоны в Латинской Америке (Договор Тлателолко)⁴. Резолюцией 2286 (XXII) Генеральная Ассамблея ООН одобрила этот договор и призвала государства присоединиться к нему.

В 1978 г. к Договору Тлателолко присоединился и Советский Союз. В своей речи 18 мая 1978 г. Л. И. Брежнев отметил, что СССР, принимая на себя обязательства уважать статус безъядерной зоны в Латинской Америке, исходит из того, что и другие ядерные державы будут неукоснительно соблюдать этот статус,

¹ Текст договора см.:— Правда, 1968, 2 июля.

² Ведомости Верховного Совета СССР, № 42 (1026), 1960, 27 октября.

³ Молодцов С. В. Договор об Антарктике.— Советское государство и право, 1960, № 5, с. 64—72; Мовчан А. П. Правовой статус Антарктики — международная проблема.— Советский ежегодник международного права, 1960, № 5, с. 342—356.

⁴ Док. Комитета по разоружению ООН ENDC/186 от 21 февраля 1967 г.

что участники договора обеспечат в зоне его действия подлинно безъядерный режим¹.

Важное значение в военно-политическом отношении имело заключение в 1971 г. Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (Договор о морском дне)².

Этот Договор непосредственно связан с мерами, предпринимаемыми государствами в области предотвращения загрязнения вод Мирового океана веществами, опасными для живых существ, и в первую очередь радиоактивными веществами. Не исключено, что размещение на морском дне оружия массового уничтожения, в силу непредвиденных технических причин, могло бы послужить источником заражения вод Мирового океана.

Еще в 1958 г. Конференция по морскому праву приняла специальную резолюцию о недопущении загрязнения вод открытого моря радиоактивными веществами. Этот вопрос был предметом обсуждения различных органов, в частности, Комиссии международного права ООН, Генеральной Ассамблеи ООН, Специального Комитета ООН по мирному использованию дна морей и океанов и др.

В Декларации о принципах, определяющих дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1970 г., отмечалось, в частности, что при установлении режима в указанном районе государства должны принимать соответствующие меры, а также сотрудничать в целях предотвращения загрязнения и заражения и других вредоносных последствий для морской среды, охраны и сохранения природных ресурсов района и предотвращения ущерба для флоры и фауны морской среды³.

Таким образом, запрещение рассматриваемым Договором размещения на дне морей и океанов оружия массового уничтожения в зоне его действия, несомненно содействует предотвращению заражения и загрязнения вод Мирового океана вредоносными веществами и является крупным шагом в деле охраны окружающей среды.

В отличие от рассмотренных выше актов анализу Договора о морском дне в международно-правовой литературе не уделялось до сих пор достаточного внимания. Поэтому рассмотрим Договор 1971 г. более подробно.

В настоящее время благодаря научно-техническому прогрессу человечество получило широкие возможности для использования в своих практических целях огромных богатств морского дна⁴. Однако наряду с использованием морского дна в мирных целях появилась реальная опасность превращения его в арену гонки

¹ Известия, 1978, 19 мая.

² Известия, 1971, 12 февр. Договор вступил в силу 18 мая 1972 г.

³ Док. ООН A/Res./2749 (XXV), 1971, 28 January.

⁴ Янов Э. Н., Хайкин М. С. Минеральные ресурсы Мирового океана, их использование и охрана. Л., 1978, с. 1—18.

вооружений. Известно, что в некоторых западных странах вынашивались идеи использования морского дна в целях противолодочной разведки, размещения баз атомных подводных лодок, а также иных объектов военного значения не только в пределах своих территориальных вод, но и на континентальном шельфе и в открытом море. При этом обеспечивается довольно высокая степень скрытности военных объектов, что значительно снижает их уязвимость в случае военного конфликта, и возможность их расположения далеко за пределами вод, находящихся под юрисдикцией данного государства. Реализация этих планов привела бы к значительному расширению сферы гонки вооружений.

Опасность такого рода деятельности поставила перед государствами задачу выработки соответствующих международно-правовых норм, направленных на исключение морского дна из сферы гонки вооружения.

Вопрос о частичной демилитаризации морского дна в международно-правовом плане был впервые поднят на Женевской конференции ООН по морскому праву 1958 г. при разработке Конвенции о континентальном шельфе. Однако выдвинутое на Конференции 1958 г. и поддержанное рядом делегаций предложение Индии о том, что континентальный шельф, прилегающий к любому прибрежному государству, не используется прибрежным или каким бы то ни было другим государством для строительства военных баз и сооружений не было принято ввиду явного противодействия со стороны ряда западных стран¹. Не были приняты также предложения социалистических стран, касающиеся запрещения как испытаний ядерного оружия в открытом море, так и использования международных морских путей в открытом море в военных целях.

Лишь в 1967 г. на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Мальты специально рассматривался вопрос о сохранении исключительно для мирных целей дна морей и океанов в открытом море за пределами действия существующей национальной юрисдикции, а также об использовании его ресурсов в интересах человечества. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию (2340 от 28 декабря 1967 г.), в которой признавалась общая заинтересованность человечества в использовании морского дна в научных, экономических и других целях, а также необходимость исследования и использования морского дна и его недр в соответствии с принципами и целями Устава ООН в интересах поддержания мира и международной безопасности. В указанной резолюции была также подчеркнута важность предохранения дна морей и океанов и его недр от тех действий и использования, которые могли бы нанести вред общим интересам человечества.

В 1968 г. был учрежден Постоянный комитет ООН по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия

¹ Док. ООН A/Conf. 13/42, p. 141.

национальной юрисдикции (Комитет по морскому дну)¹. Он выработал, а XXV сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1970 г. приняла Декларацию о принципах, определяющих использование дна морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции, в которой, в частности, отмечалось:

а) район должен быть открыт для использования исключительно в мирных целях всеми государствами как прибрежными, так и не имеющими выхода к морю (п. 5);

б) государства должны действовать в районе в соответствии с принципами международного права в интересах поддержания международного мира и безопасности и содействия международному сотрудничеству и взаимопониманию (п. 6);

в) осуществляя деятельность в указанном районе, государства должны принимать соответствующие меры по предотвращению загрязнения и заражения и других вредных последствий для морской среды, а также сотрудничать в деле охраны и сохранения природных ресурсов района (п. 11).

Таким образом, в Декларации совершенно четко сформулирован тезис о том, что морское дно должно быть открыто для использования исключительно в мирных целях.

В 1968 г. Советский Союз внес на рассмотрение специального комитета ООН для изучения вопросов мирного использования дна морей и океанов проект использования морского дна за пределами территориальных вод исключительно в мирных целях. В меморандуме Советского правительства «О некоторых неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению» от 1 июля 1968 г. подчеркивалось, что ход исследований и перспективы освоения дна морей и океанов позволяют поставить вопрос о одновременном закреплении в надлежащей форме такого режима, который обеспечивал бы использование морского дна за пределами существующих территориальных вод только в мирных целях².

Это предложение СССР заняло видное место в процессе обсуждения проблем морского дна в органах ООН. Комитету по разоружению ООН было поручено подготовить проект Договора о мирном использовании морского дна. Проект Договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения был рассмотрен XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН и одобрен 7 декабря 1970 г.

Согласно ст. I Договора государства-участники берут на себя обязательство не размещать на дне морей и океанов и в его недрах в зоне действия договора какое-либо ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения, а также сооружения, пусковые установки и любые другие устройства,

¹ См. резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 2467 (XXIII) от 21 декабря 1968 г.

² Правда, 1968, 2 июля.

специально предназначенные для хранения, испытания или применения этого оружия.

При обсуждении проектов Договора, представленных в Комитет по разоружению, вопрос об объеме запрещения использования морского дна в военных целях вызвал острые дискуссии. При этом выявились две основные точки зрения.

СССР, последовательно отстаивая принцип использования морского дна исключительно в мирных целях, в своем проекте предлагал запретить всякую военную деятельность на дне морей и океанов в зоне действия Договора. Ст. I советского проекта гласила: «Запрещается использование в военных целях дна морей и океанов и его недр за пределами 12-мильной морской зоны прибрежных государств. Запрещается размещение на дне морей и океанов и его недрах объектов с ядерным оружием или каких-либо других видов оружия массового уничтожения, создание военных баз, сооружений, установок, укреплений и других объектов военного назначения». Такая трактовка вопроса в наибольшей мере отвечала резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2467А (XXIII), в которой отмечалась необходимость сохранения дна морей и океанов исключительно для мирных целей.

Точка зрения СССР была поддержана в Комитете по разоружению рядом делегаций, в частности представителями Швеции, Индии, Мексики и другими странами¹.

Однако некоторые делегации настаивали на том, чтобы запрещение военного использования дна морей и океанов носило частичный характер, охватывало лишь определенные виды деятельности, а именно: на морском дне должно быть запрещено размещение лишь оружия массового уничтожения.

Говоря о советском проекте, некоторые западные дипломаты утверждали, что план использования дна морей и океанов исключительно в мирных целях идет якобы слишком далеко и что полная демилитаризация морского дна была бы неосуществимой и, возможно, вредной². В подтверждение этого тезиса делались, в частности, ссылки на сложности, связанные с тем, что некоторые устройства, например, средства связи и навигации, используются как в военных, так и в мирных целях, а также на то, что значительная часть научных исследований проводится силами военного персонала и с использованием вспомогательного военного оборудования.

Однако эти доводы вряд ли убедительны. В настоящее время широко признано, что военный персонал или военное оборудование могут быть использованы для мирных научных исследований, особенно в областях, где проведение таких исследований связано со значительными трудностями или требует особой подготовки. Участие военного персонала в исследовании космоса и на научных станциях в Антарктике не помешало достижению

¹ Док. Комитета по разоружению ООН ENDC/PV. 403, 404, 405.

² Там же, 397 и 411.

договоренности о демилитаризации Антарктики и о запрещении использования в военных целях небесных тел.

В результате острой дискуссии за основу был принят проект США, предусматривавший запрещение размещения на морском дне и в его недрах лишь оружия массового уничтожения и военных установок, связанные с таким оружием. Статьей I Договора предусмотрено, что в зоне его действия государствам-участникам запрещается размещать ядерное или любые другие виды оружия массового уничтожения.

В процессе обсуждения проектов Договора некоторые делегации высказали мнение о необходимости более точного определения и перечисления конкретных видов военной деятельности, которые должны подлежать запрету на морском дне¹. Однако, как справедливо отметил представитель СССР, опыт показывает, что попытки составить точные перечни различных видов оружия и сооружений, либо различных видов военной деятельности, часто оказываются ненужными и безуспешными. Наоборот, широкие всеохватывающие понятия не устаревают, так как они распространяются и на новые виды оружия или способы ведения военных действий.

Острые разногласия выявились также относительно определения зоны морского дна, на которую распространялись бы запреты, налагаемые Договором. Многие делегации высказались за то, чтобы действие Договора распространялось, по возможности, на большую часть дна морей и океанов. Так, представитель Индии отметил, что относительно определения границ, за пределами которых должны применяться запрещения, видимо, нет расхождений по поводу того, чтобы как можно большая площадь дна морей и океанов была бы зарезервирована для мирных целей².

По мнению СССР, а также представителей ряда других государств, оптимальным вариантом установления зоны действия Договора явился бы район морского дна, находящийся за пределами 12-мильной прибрежной полосы. Между тем, некоторые государства настаивали на установлении 3-мильной прибрежной полосы, за которой бы начиналось действие Договора. Необходимо было выработать такое решение, в котором учитывались бы сложившиеся международно-правовые нормы, а также интересы безопасности прибрежных государств.

Сложность этого вопроса заключалась в том, что к моменту разработки Договора о морском дне 1971 г. существовал целый ряд нерешенных спорных проблем: ширина территориального моря, определение внешних границ континентального шельфа и др. Между тем, режим морского дна, находящегося под водами данного государства, тесно связан с режимом покрывающих вод.

¹ См., например, выступление представителя Мексики (Док ООН ENDC/PV. 477).

² Док. ООН ENDC/PV 404, р 68

Это положение зафиксировано в Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г., в ст. 2 которой указывается, что суверенитет прибрежного государства распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, равно как на поверхность и недра его дна.

Предложив установить 12-мильную прибрежную зону, за пределами которой налагались бы обязательства, предусмотренные Договором, Советский Союз учитывал наличие серьезных разногласий по вопросу определения ширины территориальных вод. Советское предложение исходило из предпосылки, что такая зона создается для всех прибрежных государств независимо от ширины их территориальных вод. Имелось при этом в виду, что данная зона устанавливается исключительно для целей данного договора. Тем самым снимались многие спорные проблемы морского права и одновременно достигался широкий охват площади морского дна, подлежащей демилитаризации. Это предложение Советского Союза и нашло свое отражение в Договоре.

Согласно ст. I государства-участники обязуются не устанавливать и не размещать на морском дне и в его недрах объекты, предусмотренные Договором, за внешним пределом зоны морского дна, как она определена в ст. II. Таким образом, приведенная норма является отсылочной к ст. II Договора, где в свою очередь указывается, что «для целей настоящего Договора внешний предел зоны морского дна, упомянутый в ст. I, совпадает с 12-мильным внешним пределом зоны, определяемой в ч. II Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. и отсчитывается в соответствии с положениями раздела II ч. I этой Конвенции и международным правом».

Итак, в качестве критерия для определения пространственной сферы действия Договора о морском дне 1971 г. принята 12-мильная зона, отсчитываемая от тех же исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод. В пределах такой 12-мильной прибрежной полосы государства-участники свободны от обязательств, налагаемых Договором. В то же время за пределами указанной зоны запрещается размещение предусмотренных Договором военных объектов.

На государства, имеющие 12-мильную ширину территориальных вод, обязательства, налагаемые Договором, распространяются на зону морского дна, расположенную непосредственно за территориальными водами этих государств. Между тем, в настоящее время существует целый ряд государств, имеющих иную ширину территориальных вод. Связаны ли обязательствами, налагаемыми Договором о морском дне 1971 г., государства-участники, имеющие ширину территориальных вод менее 12 морских миль в районе морского дна, расположенном между внешним пределом территориальных вод этих государств и внешним пределом 12-мильной прибрежной зоны, о которой говорится в Договоре?

В п. 2 ст. I Договора указано, что обязательства, предусмотренные в п. 1 настоящей статьи, действуют также в отношении зоны морского дна, упомянутой в том же пункте, с тем исключением, что в пределах такой зоны морского дна они не распространяются ни на прибрежное государство, ни на морское дно под его территориальными водами. Анализ приведенной нормы показывает, что в районе морского дна, расположенном между внешним пределом территориальных вод данного государства (имеются в виду государства, имеющие ширину территориальных вод менее 12 миль) и 12-мильным пределом зоны, о которой говорится в Договоре, на прибрежное государство не распространяются обязательства, налагаемые Договором. В то же время все другие государства не должны размещать в указанной зоне военные объекты, предусмотренные Договором¹. В противном случае одни государства были бы поставлены в привилегированное положение по отношению к другим. Такая постановка вопроса создает равные условия для всех государств и не допускает толкований, приводящих к ущемлению чьих-либо прав.

Следует отметить, что, хотя в Договоре и содержится ссылка на Женевскую конвенцию о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г., касающаяся определения пространственной сферы действия Договора, она ни в коей мере не означает, что любой участник Договора, не присоединившийся к Конвенции 1958 г., окажется связанным обязательствами по ней. Другими словами, ссылка в Договоре 1971 г. на Женевскую конвенцию 1958 г. связывает государства — участников Договора о морском дне лишь в вопросе определения пространственной сферы его действия.

Несмотря на существование различных позиций по ряду проблем международного морского права, цель Договора 1971 г. состояла не в том, чтобы разрешить эти вопросы или предоставить тому или иному государству или группе государств какие-либо преимущества перед другими государствами по вопросам международного морского права. Именно поэтому в ст. IV содержится указание, что «никакое положение настоящего Договора не должно истолковываться как подтверждающее или наносящее ущерб позиции любого государства-участника в отношении существующих международных конвенций...», или в отношении прав или претензий, о которых такое государство-участник может заявить, или в отношении признания или непризнания прав или претензий, заявленных любым другим государством относительно его прибрежных вод, включая, среди прочего, территориальное море и прилегающую зону, или дна морей и океанов, включая континентальный шельф».

Как уже отмечалось, в вопросе определения пространственной сферы действия Договор о морском дне 1971 г. отсылает к Женевской конвенции о территориальном море и прилегающей зоне

¹ См. также: Современное международное морское право (Режим вод и дна Мирового океана). М., 1974, с. 260—261.

1958 г., в которой, однако, не решается ряд проблем и, в частности, порядок отсчета ширины территориальных вод в так называемых исторических заливах. Не случайно поэтому в Договоре (п. 1 ст. II) указывается, что при определении зоны его действия необходимо руководствоваться не только Женевской конвенцией о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г., но и «международным правом». В силу международного обычая, который наряду с международным договором является источником международного права¹, прибрежное государство само определяет исходные линии для отсчета ширины территориальных вод при наличии исторических заливов. Применительно к рассматриваемому Договору 1971 г. внешний предел зоны морского дна, за которым начинается действие Договора, отсчитывается от входа в исторический залив от той же исходной линии, что и при отсчете ширины территориальных вод данного государства². Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что по вопросу разграничения территориальных вод в исторических заливах существует ряд соглашений между прибрежными государствами.

Рассматривая вопрос о географической зоне действия Договора, следует остановиться еще на одном весьма важном аспекте, нашедшем свое отражение в ст. IX и заключающемся в том, что «положения настоящего Договора ни в коей мере не затрагивают обязательства, взятые на себя государствами—участниками Договора по международным соглашениям, учреждающим зоны, свободные от ядерного оружия»

Смысл этой нормы заключается в том, что, хотя Договором 1971 г. и не запрещается размещение оружия массового уничтожения и установок, связанных с применением такого оружия в пределах 12-мильной прибрежной зоны, это правило, согласно ст. IX, не распространяется на зоны, свободные от ядерного оружия, хотя бы они и находились в пределах указанной 12-мильной прибрежной полосы.

Необходимо отметить, что полная демилитаризация морского дна, как это предусматривалось проектом, представленным Советским Союзом, значительно упростила бы проблему контроля за выполнением Договора о морском дне 1971 г. При этом, во-первых, резко сократилось бы число подлежащих контролю объектов, так как на морском дне остались бы лишь мирные объекты. Во-вторых, проверка этих объектов была бы значительно менее сложной, так как контролируемые государства не испытывали бы сомнений относительно того, что такая проверка направлена на раскрытие их военных секретов.

В случае заключения соглашения о всеобъемлющем запрещении военной деятельности на морском дне, для проверки

¹ «Международный договор и международный обычай,— указывает Г. И. Тункин,— являются двумя способами создания норм общего международного права». См.: Тункин Г. И. Теория международного права, с. 162.

² Калинин Г. Ф., Островский Я. А. Морское дно: кому оно принадлежит? М., 1970, с. 155.

выполнения сторонами обязательств по договору мог бы быть использован принцип свободного доступа к размещенным на морском дне объектам. Это положение было прямо предусмотрено в ст. II советского проекта: «Все установки и сооружения на дне морей и океанов и в его недрах открыты на основе взаимности для представителей других государств — участников настоящего Договора для проверки выполнения государствами, разместившими такие объекты, обязательств, принятых в соответствии с настоящим Договором».

В своих предложениях о контроле за выполнением Договора Советский Союз следовал принципам, использованным в Договоре об Антарктике и Договоре о космосе — принципам, которые оправдали себя и успешно применяются, в частности в Антарктике. Система контроля на основе свободного доступа доказала свою эффективность и возможность практического применения.

Действительно, в тех случаях, когда речь идет о сферах, где нет национальных границ, как в Антарктике, в космосе или на морском дне, принцип свободного доступа является наиболее полным и эффективным способом контроля. Ведь в этих случаях речь идет о практически еще не освоенных или только осваиваемых сферах человеческой деятельности, и государствам можно было бы не опасаться, что контроль, построенный по принципу свободного доступа, будет использован для ведения военной разведки. Если же запрет будет касаться лишь каких-то определенных видов деятельности, то принцип свободного доступа окажется трудноприменимым, ибо перед контролирующей стороной в каждом случае будет вставать вопрос — относится ли данный объект к запрещенной или к разрешенной деятельности. Практическое осуществление контроля в этом случае явилось бы сложным делом, ибо сомнительно, чтобы государство, даже если оно добросовестно выполняет соглашение, дало бы контролирующей стороне согласие на осмотр своего военного сооружения.

Однако, как уже отмечалось, в вопросе об объеме запрещения использования морского дна в военных целях за основу был принят проект США, которым предусматривалось запрещение размещения на морском дне и в его недрах в зоне действия Договора лишь оружия массового уничтожения и установок, связанных с применением такого оружия.

И все же при разработке Договора 1971 г. удалось создать достаточно гибкую и четкую процедуру контроля за выполнением его положений.

Элементами контроля, согласно ст. III, являются:

— проверка со стороны всех государств — участников Договора посредством наблюдения деятельности каждого государства-участника на дне морей и океанов и в его недрах, за исключением 12-мильной прибрежной зоны, о которой упоминается в ст. I и в которой на государства-участников не налагаются обязательства, предусмотренные Договором (п. 1 ст. III);

— взаимные консультации, а именно — государства-участника,

имеющего обоснованные сомнения относительно выполнения обязательств, принятых по Договору — если эти сомнения останутся после наблюдения, предусмотренного в п. 1 ст. III Договора — с государством-участником, несущим ответственность за деятельность, вызывающую эти сомнения — с целью устранения сомнений.

Если эти сомнения не устранены, государство-участник, имеющее такие сомнения, уведомляет других участников, и заинтересованные стороны сотрудничают в отношении таких дальнейших процедур проверки, о которых может быть достигнута договоренность, включая соответствующую инспекцию объектов, сооружений, установок или других устройств, которые в силу их характера можно с достаточным основанием отнести к одной из категорий, перечисленных в ст. I (п. 2 ст. III).

Если консультации и сотрудничество, указанные выше, не устранили сомнений относительно выполнения обязательств каким-либо государством-участником Договора, этот вопрос может быть передан любым государством-участником в соответствии с положениями Устава ООН на рассмотрение Совета Безопасности, который может предпринять действия в соответствии с Уставом ООН (п. 4 ст. III).

В соответствии со ст. III Договора, государства-участники берут на себя обязательства, прежде чем приступить к проверке, не только уведомить о своих намерениях государства, находящиеся в районе, где состоится расследование, но и пригласить их сотрудничать для выявления сложившейся обстановки (п. 3 ст. III). Проверка должна осуществляться с должным учетом суверенных или исключительных прав прибрежного государства, признанных «в соответствии с международным правом, включая свободу открытого моря и права прибрежных государств в отношении разведки и разработки их континентальных шельфов».

На практике могут возникнуть обстоятельства, когда то или иное государство — участник Договора в силу различных политических обстоятельств, связанных с состоянием его взаимоотношений с другими странами и общей международной обстановкой, не сможет вступить в консультации, предусмотренные статьей III Договора. В таких случаях любое государство — участник Договора может обращаться непосредственно в Совет Безопасности ООН, не прибегая к консультациям.

Руководствуясь стремлением повысить эффективность Договора, государства-участники взяли на себя обязательство не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство к осуществлению деятельности, запрещенной Договором, и не участвовать каким-либо и иным образом в такой деятельности (ст. I). Тем самым государства — участники Договора не смогут использовать в целях, запрещенных Договором, те государства, которые по каким-либо причинам не присоединятся к нему.

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения содержит, помимо одиннадцати статей,

преамбулу, которая является неотъемлемой частью международного договора и положения которой имеют такой же международно-правовой характер, как и нормы договора. В преамбуле Договора декларируется, что его заключение явилось результатом общей заинтересованности человечества в развитии исследования и использования дна морей и океанов в мирных целях и что предотвращение распространения гонки вооружений на морское дно способствует ослаблению международной напряженности, укреплению дружественных отношений между народами и служит делу укрепления всеобщего мира.

Государства — участники Договора выразили убеждение в том, что настоящий Договор будет содействовать осуществлению целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций так, чтобы это соответствовало принципам международного права.

Следует отметить, что Договор тесно связан и с принципом разоружения. «Юридическое содержание принципа разоружения, — указывает С. А. Малинин, — состоит в обязанности государств и главных органов ООН (Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи) разработать мероприятия по практическому осуществлению разоружения»¹.

Как известно, в 1959 г. СССР поднял в ООН вопрос об осуществлении всеобщего и полного разоружения, а в 1962 г. представил в Комитет по разоружению соответствующий проект Договора². Необходимость осуществления всеобщего и полного разоружения неоднократно подчеркивалась и ООН.

Настойчиво борясь за заключение Договора о всеобщем и полном разоружении, СССР в то же время никогда не стоял на позиции: все или ничего. Исходя из этого, СССР являлся инициатором разработки ряда важнейших международно-правовых актов, направленных на прекращение гонки вооружений и ослабление международной напряженности.

Обращает на себя внимание тот факт, что в преамбулах ряда международных договоров содержится обязательство государств и в дальнейшем вести переговоры с целью достижения соглашения о всеобщем и полном разоружении. Это положение закреплено и в рассматриваемом Договоре 1971 г., в преамбуле которого декларируется, что Договор является шагом на пути к Договору о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем и что государства — участники Договора исполнены решимости продолжать переговоры с этой целью, а в ст. V Договора государства-участники обязуются продолжать в духе доброй воли переговоры в отношении дальнейших мер в области разоружения в целях предотвращения гонки вооружений на дне морей и океанов и в его недрах.

Таким образом, Договор, являясь актом частичного разору-

¹ Малинин С. А. Правовые основы разоружения. Л., 1966, с. 26—27.

² Док. ООН ENDC/2/Rev. 1.